Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Бежать или оставаться?

12.08.2026.

Соломон Михоэлс в роли доктора Якоби в фильме Григория Рошаля «Семья Оппенгейм» (1938), снятом по роману Леона Фейхтвангера.

Начну с этимологии. Фамилия Левински относится к группе ашкеназских (идишских) еврейских фамилий. Это западнославянский вариант фамилии Леви, происходящей от библейского колена Левия: многие еврейские семьи, живя или переселяясь по территориям Российской империи, Украины и Польши, получали или принимали фамилии Левинский, Левин, Виленский…

Миша Левински – сын известного (и очень любимого мною) писателя Чарльза Левинского, чьи предки на протяжении многих поколений принадлежали к еврейским общинам Швейцарии и прилегающих регионов и не раз появлялись на страницах его романов. Наиболее известный из них, «Мельниц», рассказывает историю еврейской семьи в Швейцарии с 1871 по 1945 год, а «Геррон», роман-

биография немецкого актера и режиссера Курта Геррона, оказавшегося в концлагере Терезиенштадт, ставит мучительный нравственный вопрос: где проходит граница между стремлением выжить и сотрудничеством со злом?

Миша Левински по-своему продолжает эту тему, причем примером для него послужил не только отец. Фамилия его героя – Оппенгейм, что сразу вызывает у читателя ассоциации с романом «Семья Опперман», написанным Леоном Фейхтвангером в 1933 году. Любопытно, что первое его издание вышло под названием «Семья Оппенгейм» и именно под ним роман вошел в историю кинематографа благодаря экранизации советского режиссера Григория Рошаля 1938 года. Семья Опперман оказывается перед лицом нацизма и перед дилеммой: бежать или нет? Если да, то когда? И что будет, если остаться? И можно ли еще надеяться?

У Миши Левински потомок той же культурной традиции (Бен Оппенгейм, неудачливый и самовлюбленный писатель, одержимый памятью о Холокосте и разрывающийся между бывшей женой, двумя детьми и новой возлюбленной Джулией) живет уже в XXI веке. Если вам близки лучшие фильмы Вуди Аллена, то роман Миши Левински наверняка придется вам по душе. И не только потому, что его герой – еврей, но в силу его невротичности, самоиронии, постоянного чувства надвигающейся катастрофы, сложных семейных отношений, интеллектуального юмора и смешного разговора о серьезных вещах.

Если с Вуди Алленом поменяла тональность еврейская кинотрадиция, то первый роман Миши Левинского позволяет, на мой взгляд, говорить о попытке поменять эту тональность в традиции литературной. На это, кажется, недвусмысленно намекают вынесенные в эпиграфы цитаты из Стефана Цвейга и Леона Уриса – трудно найти двух более разных еврейских писателей.

Смена традиции – серьезный шаг, особенно когда речь идет не просто о некоем авторе, но о «сыне Чарльза Левинского». Быть сыном одного из самых известных современных швейцарских писателей – непростая задача, особенно если избрать схожую область деятельности. От таких детей обычно ждут либо слишком многого, либо не ждут ничего. Тем приятнее обнаружить, что Миша Левински, известный прежде всего как кинорежиссер, сумел найти собственный голос и в литературе.
При этом прошлый опыт в его первом романе чувствуется: он очень визуален, короткие главы напоминают сцены, характерные персонажи, много диалогов и мало рассуждений «от автора». А леопард на обложке словно подмигивает читателю: символ кинофестиваля в Локарно и его главной награды, «Золотого леопарда», здесь кажется почти приглашением представить этот роман на экране. Конечно, это лишь моя догадка.

О подобном успехе мечтает и его литературный герой, в котором невозможно не заметить автобиографические черты Миши Левински.

Живущий в Цюрихе Бен Оппенгейм, сын успешного и знаменитого отца, типичный европейский интеллектуал левых взглядов: еще в школе он выступал за роспуск швейцарской армии, он беспокоится о судьбе леса Амазонии и не позволяет официанту в ресторане («единственному чернокожему») вытереть с пола случайно разлитое им вино. Сам Бен не слишком удачлив, что не мешает ему быть уверенным в своем таланте и надеяться на новый успех благодаря сценарию о Холокосте. Уже

самые первые строчки романа дают о нем хорошее представление. «Беньямин Оппенгейм считал, что готов к бегству. Не в практическом смысле: для этого он был слишком непрактичен. Но психологически. Уже много лет он готовился к худшему. Он сотни раз мысленно проигрывал этот сценарий. И все же, когда этот момент настал, он оказался застигнут врасплох». Сколько подобных персонажей я встречала в реальной жизни!

«Готовиться к худшему.» Любой еврей хорошо знает это чувство. Навык готовиться к худшему передается в еврейских семьях почти по наследству: голоса предков деляться опытом, не позволяя расслабиться и забыться. В случае Бена Оппенгейма «худшим», неожиданно для него самого, становится война в Украине. Услышав по радио о взрыве склада на белорусской границе, он немедленно мысленно достраивает цепочку до ядерной войны – неминуемой и грозящей вот-вот случиться. К такому же выводу приходит его уже почти бывшая жена Марина – разъехаться им не позволяет лишь невозможность потянуть две квартиры в самом дорогом городе Швейцарии: оказывается, булгаковский квартирный вопрос портит жизнь не только советским людям!

Кстати, как Вуди Аллен всегда подтрунивает над Нью-Йорком, так и Миша Левински подтрунивает над Цюрихом. «В Цюрихе улыбка считается своеобразной формой бесплатной вежливости. Не улыбаются только невежи. Поэтому здесь то и дело демонстрируют зубы. Приезжие часто принимают эту показную приветливость за душевное тепло. Лишь со временем они понимают, что цюрихская улыбка не имеет ничего общего ни с теплотой, ни с сердечностью. Это безупречно отполированный фасад, за которым нет чувства юмора. Шутят здесь – если вообще шутят – только в кругу семьи, после еды, за бокалом вина и строго по очереди: первым всегда говорит отец.»

Последний дом Стефана Цвейга в Петрополисе, Бразилия — место, где закончились и бегство, и жизнь. Ныне это — Casa Stefan Zweig. Фото: Andreas Maislinger / Wikimedia Commons

Как бы то ни было, семья Оппенгейм, охваченная паникой, старательно подпитываемой СМИ, оказывается перед вечным еврейским вопросом: бежать или остаться? И принимает решение бежать. Причем немедленно. Не в Израиль, не в Америку, а в Бразилию – Бена вдохновляет пример Стефана Цвейга, нашедшего убежище от нацистского режима в Петрополисе, пригороде Рио-де-Жанейро. Бен Оппенгейм, страстный почитатель таланта австрийского писателя, знает, конечно, что географическая удаленность от европейской трагедии его не спасла: 22 февраля 1942 года Цвейг и его жена приняли смертельную дозу веронала и были найдены мёртвыми, держащимися за руки в их доме, где теперь – музей, Casa Stefan Zweig. Но это его не останавливает.

Но то, что у Фейхтвангера, Цвейга, Чарльза Левинского и многих других авторов – трагедия, у Миши Левински – трагикомедия. Уморительно возмущение Оппенгейма-старшего из-за того, что место рядом с могилой его родителей занял какой-то русский олигарх, при жизни торговавший сырьем. А сцена с тарантулом! А «схватка» Бена с немцем из-за стула! А сеанс «общения с духами» – ловушка для наивных туристов, ищущих экзотики! Этот список можно продолжить.

Миша Левински пишет смешно не потому, что смешна война. А потому, что герой

превращает собственную тревогу в предмет комедии. Он видит в каждом мировом событии начало катастрофы, бесконечно анализирует происходящее, принимает абсурдные решения и читатель одновременно смеется и понимает, что основания для этой паники вовсе не выдуманы.

При этом комизм отдельных ситуаций вовсе не отменяет серьезности темы. Напротив, он рождается именно из исторической памяти, которая заставляет героя видеть угрозу раньше других. Как сам Бен Оппенгейм на протяжении всего романа мечется между тем или иным выбором, так и читатель все время колеблется, пытаясь понять, кто же, в конце концов, герой: обычный паникер или человек, которого накопленный поколениями опыт научил не игнорировать сигналы тревоги? «Одного лишь «Ну» было достаточно, чтобы выразить всю боль мира – от Исхода из Египта до Холокоста. Но чтобы это «Ну» было понято, нужно было говорить с другим евреем.» А может, не только с евреем?

Тема «бегства» понимается в романе сразу в нескольких смыслах: физическое исчезновение, внутренний уход, поиск свободы, отказ от навязанных ролей. Герой постепенно приходит к выводу, что убежать можно почти от всего, но не от самого себя.

Отличная книга для легкого чтения во время летнего отпуска и для серьезных раздумий потом. Бежать или оставаться? Каждый отвечает на этот вопрос по-своему. Роман Миши Левински не предлагает готового ответа, зато напоминает, что иногда именно смех оказывается лучшим способом говорить о самых страшных вещах, ведь, как писал Гоголь, сквозь видимый миру смех всегда проступают незримые, неведомые ему слезы.

[современная швейцарская литература]
[холокост в литературе]
[война в Украине]

Source URL: *http://rusaccent.ch/blogpost/bezhat-ili-ostavatsya*